

УДК 141.8:303.442.42

НУЖНА ЛИ КРИТИКА МАРКСИЗМА?

*Н. К. Водомеров**г. Вологда*

Журнал «Общество и экономика» опубликовал две статьи¹, авторы которых с диаметрально противоположных позиций оценивают значимость марксизма и неоклассики для современной экономической науки. Статьи продолжают спор между марксистами² и маржиналистами, который, хотя и имеет давнюю историю, но не утратил своей актуальности в наши дни.

Еще сравнительно недавно марксизм в нашей стране имел статус официальной доктрины, которая изучалась во всех учебных заведениях, а неоклассика оценивалась как разновидность вульгарной буржуазной политэкономии и подвергалась жесткой критике как в научной, так и в учебной литературе.

С тех пор положение коренным образом изменилось. Статус официальной доктрины приобрела неоклассика, которая в большинстве учебных пособий подается чуть ли не как высшее достижение современной экономической мысли, а марксизм третируется как отжившее, одностороннее, тенденциозное и т.п. учение, которому нет места в современной экономической науке.

Большинство тех, кто защищал диссертации на марксизме и доказывал, что марксизм – единственно верное учение, сегодня отреклись от него под разными предлогами. Одни усмотрели в марксизме теоретическое обоснование репрессий 30-х гг., товарного дефицита и прочих негативных явлений истории советского периода. Другие посчитали крахом марксизма поражение социализма в СССР и других бывших социалистических странах. Третьи поменяли проповедуемые позиции по той причине, что так было угодно новой власти.

---

¹ Дедов Л. О марксистской политической экономии и неоклассической экономической теории // Общество и экономика – 2003. – № 12; Князев Ю. О трудовой теории стоимости // Общество и экономика – 2004. – № 3

² Ю. Князев выступает в защиту трудовой теории стоимости – в той форме, которую ей придал Маркс, что позволяет отнести его к сторонникам марксизма

Для профессиональных идеологов, в первую очередь – преподавателей, научных работников, за отказом от марксизма логически последовал переход на иные мировоззренческие позиции. Наиболее значительная их часть перебралась на сторону неоклассики. Объясняется это просто – неоклассика сегодня образует основное содержание так называемого мейнстрима западной экономической теории, и, как уже говорилось, в России имеет статус официальной доктрины, что отражено в государственных стандартах образования.

Однако неоклассика подвергалась и сейчас подвергается уничтожающей критике со стороны институционалистов, посткейнсианцев и представителей других течений западной экономической мысли. Растет оппозиция ей и в среде российских экономистов, которые видят в ней идейную основу губительных для экономики России реформ 1990-х гг. и обоснованно полагают, что эта доктрина в принципе не в состоянии стать основой решения жизненно важных проблем нашей экономики и указать путь подлинного возрождения страны³.

Неприятие марксизма и неоклассики смещает экономистов на позиции иных течений – институционализма, посткейнсианства, «новой» политэкономии и т.п. Кто-то стал искать истину вообще за пределами имеющихся научных течений. Отсюда, например, – разработки совершенно невероятных «информационных», «энергетических», «этических» и т.п. «теорий стоимости».

Первый тезис данной статьи состоит в том, что массовый отход российских экономистов от марксизма отнюдь не был вызван сколько-нибудь серьезной научной критикой этого учения. Разумеется, самых разнообразных суждений, направленных против марксизма, в отечественной литературе было огромное множество, но из всех их трудно выделить хотя бы одно такое, которое действительно всерьез опровергало бы это учение. Отечественная критика марксизма не поднялась даже до уровня аргументов, которые были высказаны еще Е. Бем-Баверком, Й. Шумпетером (в России – П. Струве, С. Булгаковым) и позднее М. Блаугом.

Доказательство этого тезиса, естественно, требует разбора критических аргументов оппонентов марксизма. Рамки же статьи не позволяют охватить все ее направления. Поэтому остановлюсь лишь на главном направлении критики марксизма – критике трудовой теории стоимости. Трудовая теория стоимости, как известно, является основанием марксистского учения. Поэтому в первую очередь против нее всегда было направлено и сегодня направляется острое критики марксизма.

Ответ на многие и сегодня используемые аргументы оппонентов трудовой теории стоимости содержится в работах К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского, Р. Гиль-

---

³ См., напр., весьма интересную и глубокую работу: Теория капитала и экономического роста: Учеб пособие /Под ред. С.С. Дзарасова. – М.: МГУ, 2004.

фердинга, В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, И.Г. Блюмина, В.С. Афанасьева, С.М. Никитина, др. советских экономистов. Поэтому для обоснования выдвинутого мною тезиса, – учитывая рамки статьи, – ограничусь разбором критических доводов, высказанных именитым методологом экономической науки М. Блаугом и рядом известных отечественных критиков марксизма, а также некоторых суждений, содержащихся в статье Л. Дедова.

В работе М. Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе»⁴ сформулированы следующие основные доводы, направленные на опровержение трудовой теории стоимости.

1) По мнению Блауга, Маркс строит анализ стоимости на посылке о том, что капитализму предшествовало некое «примитивное общество», «где единственный фактор производства – труд, нет капитала, различия в качестве труда не существенны (надбавка за сложность труда сводится к усилиям по обучению)» и в котором, поэтому, «естественная цена» определялась соотношением затрат труда⁵. Однако поскольку в действительности исторический процесс был намного сложнее, то, как заключает Блауг, Маркс вступает в противоречие с реальным ходом истории.

В данном аргументе, на мой взгляд, Блауг серьезно искажает ход мысли Маркса.

Под простым товарным производством, предшествовавшим капитализму, Маркс понимает не некое «примитивное общество», а реальные формы производства, которые действительно имели место в истории⁶. Маркс не утверждает, что «естественная цена» определяется соотношением затрат труда даже в простом товарном производстве и не предполагает, что труд здесь является качественно однородным и единственным фактором производства. Он пишет о том, что в простом товарном производстве стоимость является «центром тяготения» цен, а стоимость определяется *общественно необходимым* рабочим временем (затратами *абстрактного* труда) на производство товаров, которое включает в себя и затраты *овеществленного труда*. Причем он уточняет, что регулирование цены стоимостью имеет место при выполнении определенных допущений: 1) обмен товаров стал регулярным; 2) товары производятся в объемах, приблизительно соответствующих потребности в них; 3) на рынке отсутствует монополизм⁷. Данные предпосылки анализа не надуманны, а вполне естественны для понимания сущности закона цен.

⁴ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. Пер. с англ. 4-е изд. – М.: Дело Лтд, 1994.

⁵ Блауг М. Ук. соч. – С.35, 218. Следует заметить, что Блауг, – как это делают многие критики марксизма, – по сути повторяет положение А. Маршалла о том, что пропорциональность цен затратам труда, – причем индивидуальным затратам конкретного труда, – имела бы место только при определенных условиях. (Маршалл А. Принципы экономической науки. – М.: Прогресс, 1993. – Т.І. – С.115, 311-312; Т.ІІ. – С.211-212, 294-295.)

⁶ Подробнее см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. – Т.25. – Ч.1. – С.195.

⁷ Там же. Данные предпосылки анализа не надуманны, а вполне естественны для понимания сущности закона цен.

2) «Процент, – пишет Блауг, – представляет общеэкономическую категорию, свойственную не только капитализму, а существующую везде, где происходит обмен товаров текущего и будущего потребления. В противоположность этому Маркс полностью игнорирует проблему распределения ресурсов во времени при социализме ...»⁸.

Здесь Блауг (как и другие представители неоклассической теории) наделяет понятие обмена слишком широким толкованием. «Обмен товаров текущего и будущего потребления», если под этим понимается «распределение ресурсов во времени», не является товарным обменом в точном смысле этого слова. Под обменом товаров в марксистской теории, – и в реальной практике, – понимается определенное отношение, – отношение между собственниками вещей, в котором они присваивают чужие вещи посредством и при условии отчуждения собственных⁹. «Распределение» же «ресурсов во времени» означает лишь то, что происходит выбор конкретного соотношения двух видов затрат труда в процессе производства: а) текущих затрат (непосредственно на производство продукта в данном периоде); и б) капитальных (на развитие производства). Это – не товарный обмен.

Трактовка процента как показателя, с помощью которого при любой форме производства сопоставляются «текущие и будущие блага», свойственно неоклассической теории. В марксистской же политэкономии процент рассматривается как форма именно кредитных отношений, что в большей степени соответствует реальной хозяйственной практике. В таком качестве процент достаточно подробно изучен марксистской теорией.

Маркс изучал капиталистический способ производства и не ставил перед собой задачи всестороннего изучения социалистического производства. Проблема «распределения ресурсов во времени» в социалистической экономике, – т.е. сочетания текущих и капитальных затрат труда, – получила достаточно глубокое и всестороннее изучение с позиций марксистской теории, – вплоть до выработки конкретных методик¹⁰.

3) Блауг развивает тезис о «противоречии» трудовой теории стоимости и теории цены производства, появившийся сразу после выхода в свет третьего тома «Капитала»¹¹, математическими выкладками, призванными доказать, что невозможно одновре-

⁸ Блауг М. Ук. соч. – С.223-224.

⁹ Дж. Ходжсон, анализируя неоклассическую теорию, также отмечает, что в ней «понятию обмена придается столь широкий смысл, что оно имеет мало общего с тем специфическим типом обмена, который мы имеем в современной рыночной экономике». (Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. – М.: Дело, 2003. – С.223.)

¹⁰ См., напр., работы А.И. Анчишкина, А.Я. Боярского, Л.А. Ваага, Я.Б. Кваши, В.П. Красовского, В.В. Новожилова, С.Г. Струмилина, Т.С. Хачатурова и др.

¹¹ Этот тезис был выдвинут еще А. Лориа, В. Зомбартом, а затем неоднократно повторялся. Е. Бем-Баверк, в частности, «противоречие» между стоимостью и ценой производства «главным противоречием учения Маркса» (Бем-Баверк Е. Критика теории Маркса – М.: Московский рабочий, 1931. – С. 35-37.) Маркс и Энгельс, а вслед за ними советские экономисты давно уже разъяснили суть этого «противоречия».

менное соблюдение двух условий: равенства суммы цен товаров сумме их стоимостей и равенства суммы прибыли сумме прибавочной стоимости¹².

На самом же деле, «доказательство» Блауга трудно признать корректным. Остановимся на этом подробнее. Рассмотрим более общую модель по сравнению с той, которой пользуется Блауг, – модель межотраслевого баланса.

Ведем обозначения: N – число производимых товаров, a_{ij} – коэффициенты прямых материальных затрат товара i на производство единицы товара j ; v_{ij} – затраты товара i на воспроизводство единицы рабочей силы, используемой в производстве товара j ; p_{ij} – цена товара i, j ; для всех $i, j = 1, 2, \dots, N$. Тогда общие затраты товара i на производство товара j составят $b_{ij} = a_{ij} + v_{ij}$.

Если все товары продаются по ценам производства, то имеет место система уравнений: $(1 + p) \cdot \sum_{i=1}^N b_{ij} \cdot p_i = p_j, j = 1, 2, \dots, N$. Или в матричной форме: $(1 + \pi) \cdot B \cdot p = p$; где: B – матрица коэффициентов b_{ij} размерностью $N \times N$. В этой системе N уравнений с $(N + 1)$ переменными.

Обозначим через W стоимость всей товарной массы, а через C, V, M – ее части, соответствующие постоянному, переменному капиталу и прибавочной стоимости.

Пусть, в соответствии с трудовой теорией стоимости, выполняется равенство нормы прибыли отношению совокупной прибавочной стоимости к сумме постоянного и переменного капиталов, т.е.: $\pi = \frac{M}{C + V}$. Тогда система уравнений цен производства имеет единственное решение, т.е. цены производства определены однозначно.

При этом будет выполняться также и следующее равенство: $(1 + \pi) \cdot B \cdot p \cdot X = p \cdot X$, где: X – вектор валовых выпусков товаров.

Тогда, предполагая, что сумма цен товаров равна сумме их стоимостей, т.е. что имеет место равенство: $p \cdot X = W$, и подставляя вместо π величину $\frac{M}{C + V}$, получаем:

$$\frac{C + V + M}{C + V} \cdot B \cdot p \cdot X = C + V + M.$$

Отсюда следует, что $B \cdot p \cdot X = C + V$, т.е. величина суммарных издержек производства равняется сумме стоимости постоянного и переменного капиталов, а, значит, выполняется и равенство суммы прибыли сумме прибавочной стоимости: $\pi B \cdot p \cdot X = M = W - B \cdot p \cdot X$.

Иначе говоря, и в случае, когда цены производственных факторов равны ценам производства, равенство суммы цен сумме стоимостей выполняется одновременно с равенством суммы прибыли сумме прибавочной стоимости.

¹² Блауг. Ук соч – С. 210-216.

4) Блауг считает, что трудовая стоимость «...– это не отношение, в котором продукты обмениваются между собой, а чистая абстракция, постулированная, но не наблюдаемая...», она «... не выявляется ни в наблюдении, ни в поведении». По его мнению, «...в марксистской формулировке проблема превращения форм искусно поставлена с ног на голову: именно реально наблюдаемые цены следует трансформировать в ненаблюдаемые ценности, а не наоборот»¹³.

В приведенных суждениях Блауг вступает в противоречие с самим собой. Ведь если «реально наблюдаемые цены следует трансформировать в ненаблюдаемые ценности», то это и означает, что нужно выделить «чистую» «ненаблюдаемую» «абстракцию» из «отношения, в котором продукты обмениваются между собой». Другое дело – отвечает ли данная абстракция действительной сущности обмена, или она просто «постулирована». В трудовой теории стоимости абстрактный труд как субстанция стоимости не постулируется, а выводится из анализа обмена в его наиболее простой форме.

Остановимся теперь на ряде основных аргументов современной отечественной критики марксистской теории стоимости.

Для этой критики характерно предположение о том, что трудовая теория стоимости рассматривает товарные отношения односторонне, только со стороны производства (предложения, издержек), что она не учитывает спрос, поведение потребителя, который за более полезный товар готов заплатить большую цену, – независимо от того, сколько труда затрачено на производство товара. А неоклассики, по мнению российских оппонентов трудовой теории стоимости, идут «со стороны спроса», придавая основное значение оценкам полезности благ потребителями. Маршалл, как считают те же авторы, преодолел односторонность, соединив факторы, действующие со стороны предложения (издержек) и действующие со стороны спроса (полезность)¹⁴. В учебнике по экономической теории (под ред. В.Д. Камаева) объявляется, что поскольку трудовая теория стоимости «во главу угла ставит ... объективные экономические законы, которые и выступают предметом ее изучения», то «...результатом экономического анализа в рамках указанного подхода должна быть жесткая детерминированность хозяйственного поведения субъектов в производстве и потреблении благ». По мнению авторов учебника, из трудовой теории стоимости вытекают «как минимум, два важнейших

¹³ Блауг М. Ук. соч. – С. 216, 219. Здесь Блауг снова повторяет доводы Бем-Баверка, по мнению которого стоимость, определяемая трудом противоречит эмпирически наблюдаемым фактам, поскольку стоимость, определяемая трудом, не является центром тяготения реальных цен, а затраченный труд – не единственным фактором стоимости. (Бем-Баверк Е. Ук. соч. – С.119-122.) В этом суждении Бем-Баверка стоимость отождествляется с ценой. Трудовая теория стоимости установила, что *стоимость* создается только живым трудом, складывается из затрат живого и овеществленного труда и образует основу цен, но в то же время *цена* отклоняется от стоимости под воздействием множества факторов *ценообразования*, в результате чего цена лишь случайно совпадает со стоимостью.

¹⁴ См., напр., История экономических учений /Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой: Учеб. пособие. – М.: ИНФРА-М, 2000. – С.180,269; Ядгаров Я.С. История экономических учений. – М.: Экономика, 1996. –С.140.

следствия: а) хозяйственный механизм общества неизбежно будет носить так называемый затратный характер: чем выше затраты, тем больше стоимость и цена ... б) стоимость крайне слабо зависит от соотношения спроса на данный товар или услугу и предложения...»¹⁵.

В действительности же трудовая теория стоимости в исходном пункте анализа товарных отношений уже выделяет две стороны товара: *потребительную стоимость* и *меновую стоимость*, причем потребительная стоимость рассматривается раньше, чем меновая стоимость, – как необходимое условие существования последней, ее материальный носитель. Трудовая теория стоимости признает, что *при прочих равных условиях* за более полезный товар потребитель может заплатить более высокую *цену*. Вместе с тем она различает понятия стоимости, рыночной цены и индивидуальной оценки товара потребителем. Потребительские оценки оказывают влияние на рыночную цену товара, но сами эти оценки формируются под воздействием рыночных цен на другие товары, зависят от уровня доходов потребителей. Рыночные же цены и доходы выражают прежде всего определенные *отношения материального производства*, объективным законом которых является *закон стоимости*. Поэтому они, как и индивидуальные потребительские оценки, могут быть поняты только на основе *объективной сущности* цены – *стоимости*.

Для исследования стоимости в чистом виде трудовая теория стоимости вначале предполагает равенство спроса и предложения. После того, как субстанция стоимости понята и на этой основе изучен процесс возникновения и развития денег, образования цены как формы выражения стоимости, она переходит к более конкретному анализу цены как формы проявления стоимости, в том числе исследует формирование рыночной стоимости и цены товара как опосредствованное взаимодействием спроса и предложения¹⁶.

Что же касается обвинений трудовой теории стоимости в выводе о «детерминированности» поведения хозяйственных субъектов, а также в якобы вытекающем из нее «затратном характере» хозяйственного механизма, игнорировании связи между стоимостью товара и общественной потребностью в нем, то они представляются не обоснованными, противоречащими сути этой теории.

Своеобразным доводом критики трудовой теории стоимости в отечественной литературе является попытка заменить термин «стоимость» термином «ценность», как якобы более точно соответствующим английскому слову «value» и немецкому «der Wert». Так, авторы учебного пособия «Курс экономической теории» пишут: «Если товар приобретает на рынке, то это происходит ... потому, что данный товар для покупателя обладает определенным полезным эффектом; покупатель ценит этот товар. Недаром ... на русский язык слово «стоимость» в конце XIX - начале XX вв. переводилось,

¹⁵ Экономическая теория: Учебник для студентов высших учебных заведений. /Под ред. В.Д. Камаева. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ВЛАДОС, 2000. – С.10, 11, 83-84.

¹⁶ К. Маркс, как известно, посвятил данному аспекту ценообразования 10-ую главу III т. «Капитала».

в частности с немецкого, именно как «ценность», это был более точный перевод. А ценность - это категория во многих (если не во всех) отношениях субъективная. ... Ценность имеет лишь то, что ценно в глазах покупателя, чьи субъективные оценки и придают произведенному благу свойства стоимости»¹⁷.

Термин «ценность» используется людьми не столько для обозначения явления товарных цен, сколько в ином, более широком смысле. Например, в русском языке используются такие понятия, как духовные ценности, нравственные, культурные и т.п. Они обозначают отнюдь не цену товаров, а нечто, что не имеет товарной цены в принципе, хотя и ценится людьми. В то же время в русском языке нет таких выражений, как «духовные стоимости», «нравственные стоимости», «культурные стоимости». Термин же «стоимость» всегда связан с товаром, выражает цену, которую надо заплатить за товар, или по которой его можно продать. В других случаях данный термин обычно вообще не употребляется. Поэтому именно «стоимость», а не «ценность», является наиболее удачным переводом этого термина.

Типичным доводом критики трудовой теории стоимости в российской литературе нашего времени является тезис о «несостоятельности» Марксовой теории абстрактного труда¹⁸, выдвинутый еще Бем-Баверком¹⁹. Развивая этот довод, Я.А. Певзнер усмотрел «один из главных пороков марксистской диалектики» в признании «однородности труда в качестве исходной позиции для всей экономической теории»²⁰.

В действительности же «исходной позицией» теории Маркса является учение о *двойственном характере* труда, которое признает в труде две стороны: как его качественную неоднородность (конкретный труд), так и его сведение в процессе обмена к однородному труду (абстрактный труд), образующему субстанцию стоимости.

Певзнер упрекает Маркса также в том, что тот «... «не дотянул» до категории абстрактной полезности, выступающей в современной теории в виде кривых безразличия!...»²¹

Однако «до категории абстрактной полезности» «не дотянула» вся экономическая наука, а не только Маркс. Более того, возможность существования такой категории ставится под сомнение большинством сторонников самой теории предельной полезности, которые трактуют полезность как *сугубо субъективную, индивидуальную* категорию. А кривые безразличия выражают вовсе не «абстрактную полезность», а наборы, равно предпочтительные для определенного *индивидуального* потребителя.

¹⁷ Курс экономической теории: Учебное пособие. / Под ред. Чепурина М.Н., Киселевой Е.А. - Киров: МГИМО МИД РФ, 1994. - С. 82-83.

¹⁸ См., напр., Курс экономической теории /Под общ. ред М.Н. Чепурина, Е.А Киселевой. – Киров, 1994. – С.81-82.

¹⁹ Бем-Баверк. Ук. соч. – С.90-94. Ответ на этот довод Бем-Баверка достаточно известен.

²⁰ Певзнер Я.А. Крах коммунизма и современные общественные отношения – М.: Наука, 1999. – С.91.

²¹ Певзнер Я.А. Ук. соч. – С.91.

Примерами доводов, давно уже разъясненных марксистами, являются, например, такие суждения, автором которых является Е.М. Майбурд: «...покупается и продается использование рабочей силы, т.е. труд», трудовой процесс, а не рабочая сила; относительная прибавочная стоимость это – заслуга «капитала», а не «рабочих рук», поэтому ««прибавочный продукт» справедливо достается владельцу капитала»²².

Своеобразным развитием довода, выдвинутого Й. Шумпетером²³, является предположение ряда российских экономистов о том, что трудовая теория стоимости была разработана для периода, когда преобладал простой труд, и применима только для того периода, а в настоящее время она устарела²⁴.

На деле же трудовая теория стоимости была создана А. Смитом, Д. Рикардо, К. Марксом в эпоху *промышленного переворота*, – когда полным ходом шло превращение *знаний*, т.е. результатов научного, творческого труда, в непосредственную производительную силу, когда основным фактором производства уже стало применение знаний в производстве (в виде машин), а не объемы «простого» человеческого труда. Роль последнего в современной экономике, разумеется, изменилась, однако трудовая теория стоимости не предполагает господства «простого» труда, а лишь утверждает, что разные виды конкретного труда в процессе товарного обмена *приравняются* – посредством денежной формы – к определенным количествам однородного простого труда, содержание которого имеет конкретно-исторический характер.

В.С. Автономов усматривает ограниченность трудовой теории стоимости и в том, что она видит основу доходов наемного труда в стоимости рабочей силы, «величина которой навязывается человеку на уровне объективно необходимого минимума», и не учитывает того, что «целевой уровень своего человеческого капитала человек определяет сам, исходя из ожидаемого будущего потока доходов»²⁵.

В данном доводе искажается смысл категории «стоимость рабочей силы». Марксистская теория не сводит стоимость рабочей силы к некоему «объективно необходимому минимуму»²⁶. Кроме того, если, как пишет Автономов, «целевой уровень своего человеческого капитала человек определяет сам», то будет или нет достигнут этот «целевой уровень» практически, определяется объективными обстоятельствами, в первую очередь – объективными законами рынка. В противном случае не было миллионов без-

²² Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли – М.: Дело, Вита-Пресс, 1996. – С.277-278, 287.

²³ Шумпетер Й. История экономического анализа. В 3-х т. – СПб.: Экономическая школа, 2001. – Т.2. – С.778.

²⁴ К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки: Материалы теоретического семинара. – М.: ИМЭМО, 2002. – С.71; Николаев А.Б., С.Н. Булгаков и теория трудовой стоимости // Преодоление времени / Под ред. Ю.М. Осипова, В.М. Кулькова, Е.С. Зотовой. – М.: МГУ, ТЕИС, 1998. – С.197-209.

²⁵ К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки: Материалы теоретического семинара. – С.71.

²⁶ См., напр., Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. – Т.23. – С. 181-184.

домных и безработных, миллионов низкооплачиваемых и малоквалифицированных работников.

А.Б. Николаев утверждая, что стоимость определяется затратами всех редких ресурсов, по сути повторяет давно разъясненный марксистами довод Бем-Баверка)²⁷. Ю.М. Осипов²⁸ повторяет довод Бем-Баверка²⁹, видя опровержение трудовой теории стоимости в том, что не затраченный на производство товара труд определяет стоимость товара, а, наоборот, стоимость товара определяет оценку стоимости затраченного труда.

Анализ аргументов оппонентов трудовой теории стоимости показывает, что эти аргументы строятся на одной или нескольких перечисленных ниже посылках: 1) недостаточное различение и даже игнорирование особенности стоимости и потребительной стоимости и процессов их создания; абстрактного и конкретного труда; 2) требование *полного совпадения* стоимости как сущности цены и формы ее проявления; 3) непризнание товарного *производства* как исходного пункта анализа стоимости и цены; 4) неадекватное и даже искаженное толкование положений трудовой теории стоимости; отсутствие доказательности в суждениях; 5) предположение о том, что трудовая теория стоимости была верна лишь для периода, когда преобладал *простой* труд.

Таковыми же свойствами обладают и доводы, содержащиеся в статье Л. Дедова. На большинство его критических замечаний был дан ответ в статье Ю. Князева. Я остановлюсь лишь на тех типичных выпадах против марксизма, на которые Ю. Князев не счел нужным отвечать.

1) Л. Дедов пишет: «Централизованное распределение общественного продукта не учитывает всей специфики потребностей, как конечных, так и производных. ... В централизованном хозяйстве потребители простаивают в огромных очередях за дефицитом, осуществляют закупки ненужного по талонам .... производят покупки на дорогом теневом рынке, хранят значительные запасы чего угодно ... В этих условиях рассуждения о непосредственно общественном характере труда при социализме, о том, что производство ведется «для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества», как минимум, не точны .... В сравнительном сопоставлении удобство осуществления покупок в рыночных условиях подчеркивает нерациональность дефицитной экономики централизованного хозяйства»³⁰.

С точки зрения марксистской теории, социалистическое планирование это – не система распределения «из одного центра» всего, вплоть «до последнего гвоздя. Такая

²⁷ Бем-Баверк считал, что трудовая теория стоимости «игнорирует» «участие» капитала и земли в создании стоимости (Бем-Баверк Е. Ук. соч. – С.74).

²⁸ Осипов Ю.М. К поиску новой парадигмы. //Экономическая теория на пороге XXI века - 2. – С.10 и др.

²⁹ Бем-Баверк Е. Ук. соч. – С.73. Разъяснения марксистов по этому поводу также хорошо известны.

³⁰ Дедов Л. Ук. соч. – С. 139-140. Эти доводы опять-таки не оригинальны. В гораздо более развернутой форме они содержатся в работах неоавстрийцев, особенно Ф. Хайека, посвятившего целую книгу критике социалистической экономики. (Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М.: Новости, 1992.)

система практически не возможна, а попытки ее установления на практике ведут к бюрократизму и извращению сути социализма.

По теории, социалистическое планирование строится на принципе демократического централизма, который предполагает активное участие в планировании всех звеньев экономики сверху донизу – от бригады, цеха, отдела предприятия и т.п. до Госплана и Верховного Совета. На практике этот принцип действительно лежал в основе планирования, хотя на разных этапах в большей или меньшей степени сопровождался бюрократическими извращениями. Вначале Госпланом задавались сбалансированные «контрольные цифры» (по агрегированным показателям), которые «спускались» на уровень отраслей, предприятий и его подразделений и там конкретизировались. «Снизу» находились способы выполнения этих «контрольных цифр», уточнялись и формулировались потребности в ресурсах и продуктах, выдвигались «встречные планы». Торговля, например, детализировала «контрольные цифры» на основе анализа и прогноза покупательского спроса, имея о нем полную информацию (в отличие от «атомизированных» рыночных продавцов) и формулировала потребность в поставках товаров для покрытия спроса, которые служили основой планирования отраслей II подразделения (отчасти – внешней торговли). Идущие «снизу» предложения и уточнения поступали снова в Госплан и он их балансировал (по агрегированным продуктам и ресурсам). На этой основе разрабатывался и утверждался народнохозяйственный план. Его задания имели агрегированный вид и детализировались министерствами, предприятиями в форме заключения договоров на поставку продукции. Плановое ведение хозяйства предполагало широкую самостоятельность исполнителей, в том числе предприятий.

Если рыночный субъект, не обладая полной информацией, бьется за существование, действуя во многом вслепую; то централизованное планирование задавало основные пропорции экономики на основе несопоставимо большего объема информации, более полного учета потребностей и ресурсов всех звеньев экономики и населения. Закономерно, что в аппарате управления плановой экономики число управленцев было в несколько раз меньше, чем численность управленцев в рыночной экономике, которые дублируют деятельность друг друга по сбору и обработке информации, так и не получая такого объема информации, которым располагали органы социалистического планирования³¹.

Реальная практика далеко не во всем совпадала с теорией социалистического планирования, и та форма организации планового хозяйства, которая имела место в СССР, не может трактоваться как единственно возможная, тем более, что она сама претерпевала неоднократные изменения.

³¹ В России, например, численность работников, занятых в сфере управления, в результате перехода от плановой экономики к рыночной возросла с 1204 тыс. чел в 1985 г. до 2965 тыс. чел. в 2002 г., т.е. в 2,5 раза. (Российский стат. ежегодник. 2003. – М.: Госкомстат России, 2003. – С.137.)

Если же сравнивать плановую экономику с рыночной по их эффективности, то можно было бы вспомнить период 1929-33 гг. В рыночной экономике – «великая депрессия», в советской – небывалый рост промышленного производства. Преимущества плановой экономики отчетливо проявились и в военный период, и в период послевоенного восстановления народного хозяйства. Темпы роста советской экономики в 1920-е – 1950-е гг. (не считая военных лет) так и остались непревзойденными в мире. СССР быстрыми темпами догонял США по уровню производительности труда и размерам производственного потенциала. Достаточно сказать, что только за период с 1950 по 1970 гг. разрыв между США и СССР по производству ВВП на душу населения уменьшился с 6,7 до 1,9 раз³². (Кстати, в результате рыночных преобразований этот разрыв снова достиг 4,6 раз³³, не говоря уже о разрушении «рынком» значительной части научно-технического потенциала страны, превращении экономики в сырьевую по своему характеру, а мировых цен на энергоресурсы – в главный фактор, определяющий результаты хозяйствования.)

Однако во второй половине 1960-х гг. в народное хозяйство СССР в интересах бюрократических элементов в аппарате управления был внедрен *вопреки марксистской теории*³⁴ – я это подчеркиваю – затратный хозяйственный механизм, который нацелил всю экономику не на экономию рабочего времени и не на повышение эффективности производства, а на *искусственное удорожание продукции*. Установилось господство «стоимостного вала» (выражение Д.В. Валового), *противоречащего сути социализма в его марксистском понимании* и приведшего к существенному снижению темпов развития экономики, хотя до начала «перестройки» они оставались не ниже темпов роста большинства промышленно развитых стран, в том числе США.

О том, что при социализме производство в целом велось «для обеспечения полного благосостояния и свободного всестороннего развития всех членов общества», свидетельствует вся совокупность цифр о развитии советской экономики, особенно если эти цифры сравнить с цифрами периода «перестройки» и «рынка». Приведу лишь одну цифру: за годы Советской власти средняя продолжительность жизни россиян возросла с 32 до 70 лет³⁵, а за годы рыночных реформ она сократилась на 4,5 года, для мужчин – на 5,3 года³⁶. Если в 1970 г. уровень смертности в СССР был ниже, чем во всех странах «большой семерки», то в настоящее время он возрос более чем в два раза и намного превышает соответствующие показатели всех этих стран. Только за период 1992-2001 гг.

³² Теория капитала и экономического роста: Учеб пособие /Под ред. С.С. Дзарасова. – М.: МГУ, 2004. – С.227.

³³ Там же.

³⁴ Маркс, как известно, указывал, что «первым экономическим законом на основе коллективного производства» является *экономия рабочего времени* (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – Т.46. – Ч.1. – С.119), а отнюдь не рост денежной выручки, прибыли или ее нормы, на что были нацелены органы управления и предприятия в ходе реформы 1960-х гг.

³⁵ Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. – М.: Госстатиздат, 1957. – 345; Народное хозяйство СССР в 1988 г. – М.: Финансы и статистика, 1989. – С.664.

³⁶ Российский стат. ежегодник. 2003. – С.117.

вследствие роста смертности и снижения рождаемости Россия потеряла примерно 6 млн. человеческих жизней³⁷.

Несомненными достижениями социализма были бесплатное образование и его высокое качество, бесплатное здравоохранение, доступность жилья, отсутствие нищеты и безработицы, удовлетворение других важнейших потребностей всех членов общества на уровне, достаточном для нормальной жизнедеятельности.

Если сравнивать степень удовлетворения важнейших потребностей большинства граждан «рыночной» России и Советской, то по всем показателям в первом случае эта степень оказывается намного ниже. Этим и объясняется «вымирание» россиян, о котором говорилось выше. Достаточно сказать, что покупательная способность средней заработной платы по основным продуктам питания в 2003 году была ниже уровня 1990 года примерно в 2 раза³⁸. Сейчас в нашей стране 4 миллиона бомжей, 45% наемных работников (на апрель 2003 г.) имело среднемесячную заработную плату ниже 3000 руб.³⁹ Доходы десятков миллионов людей, в том числе – большинства пенсионеров, ниже официального прожиточного минимума. Даже в период «застоя» минимальная заработная плата, минимальная пенсия и студенческая стипендия превышали нынешний «прожиточный минимум», который при пересчете на советские цены составлял порядка 40 руб. в месяц.

Дефицит, талоны и очереди, если речь идет не о периоде войны или иных чрезвычайных обстоятельствах, – явления, в принципе не присущие плановой экономике, а возникающие при извращенных формах ее организации, к каковым относится господство «стоимостного вала». В период 1947-54 гг., например, в розничной торговле не было «дефицитов», хотя цены были планомерно понижены в 2-3 раза (в зависимости от размеров снижения себестоимости товаров).

2) Следующий аргумент Л. Дедова: «Марксисты выстраивают весьма дорогостоящую последовательность мероприятий как необходимых для утверждения «бесклассового общества». Пролетарская революция и экспроприация экспроприаторов, диктатура пролетариата и коллективизация крестьянства, пролетарский интернационализм и фронтальное противостояние двух систем, централизация социально-экономических процессов и государственный монополизм – все эти компоненты социальных преобразований весьма затратны, и едва ли они окупаются в обозримые сроки. Поэтому коммунизм не реален в какой-либо практически приемлемой перспективе ...

³⁷ Теория капитала и экономического роста: Учеб пособие /Под ред. С.С. Дзарасова. – М.: МГУ, 2004. – С.239.

³⁸ Российский стат. ежегодник. 2003. – С.184.

³⁹ Данные официального интернетсайта Госкомстата России: www.gks.ru/

Неоклассический подход значительно менее затруднен для общества и, несомненно, более результативен»⁴⁰.

Если говорить о «затратности» перехода от капитализма к социализму, то, как свидетельствуют факты истории, она определяется главным образом сопротивлением эксплуататорских классов. Гражданская война, в которой против государства рабочих и крестьян, кроме белогвардейцев, воевали армии 14 наиболее развитых держав, была развязана отнюдь не Советской властью, как и Вторая мировая война, унесшая миллионы жизней. Гонка вооружений, подтачивавшая советскую экономику, также не была инициативой СССР. США, как известно, продолжают наращивать вооружения и после ликвидации СССР.

Что касается принудительной формы коллективизации, которая была осуществлена в нашей стране, то такая форма отнюдь не является следствием марксистской теории, в соответствии с которой кооперирование крестьян должно происходить на добровольной основе при поддержке государства. То же можно сказать и о массовых репрессиях 30-х гг., а также других негативных явлениях, которые имели место в советской истории. Одно дело – теория, другое – ее практическая реализация, ход которой зависит как от конкретных обстоятельств, так и от огромного числа конкретных личностей, творящих историю, от уровня понимания ими теории, их личных интересов и т.д.

Вместе с тем факты говорят о том, что «затратность» капитализма несоизмеримо выше чем социализма. Войны, унесшие и продолжающие уносить жизни огромного числа людей, гонка вооружений, массовая безработица и нищета, потери труда и первичных ресурсов на ублажение прихотей богачей и их охрану, на содержание многочисленных ничего не создающих контор и т.д.

Следует ли считать неоклассику ответственной за мировые войны и все прочие негативные стороны капитализма, раз она имеет статус официальной доктрины в промышленно развитых странах? По логике Дедова, полагающего, что марксистская теория в ответе за все отрицательные явления социализма, вытекает, что ответ на этот вопрос должен быть положительным.

Дальнейшее сохранение капитализма ведет к нарастанию комплекса глобальных проблем, выражающих противоречия капитализма, сердцевиной которых является углубление социально-экономического неравенства, и представляющих собой все более реальную угрозу существованию человечества в целом. И разрешение этих проблем лежит именно на том пути, который указан марксизмом, – на пути перехода к социализму.

Неоклассический же подход вообще не изучает реальные противоречия и проблемы капитализма, сосредотачиваясь на выяснении условий рыночного равновесия «при прочих равных условиях». Он, по сути, представляет собой одну из форм *аполо-*

---

⁴⁰ Дедов Л. Ук. соч. – С. 145.

гетики капитализма, на что обращают внимание не только марксисты, но и институционалисты и посткейнсианцы.

3) Л. Дедов пишет о «катастрофическом обломе политической экономии реального социализма» «... Едва ли канонический марксизм удержится на исторической арене. У него для этого мало возможностей, учитывая его необнадеживающую практику в XX столетии»⁴¹.

Однако, полагая, что будущее все же за социализмом, есть основания утверждать, что произошел не «катастрофический облом политической экономии реального социализма», а временное поражение сил социализма в ожесточенной борьбе с силами международного капитала. Из того, что применяющий (часто не верно) теорию, терпит поражение в жесткой схватке со своими классовыми противниками, еще не следует, что теория ошибочна, а вытекает лишь то, что выбранный способ действий был в чем-то ошибочен. И теория должна указать, в чем были ошибки, в чем причины его поражения социализма.

А о том, что марксизм несомненно «удержится на исторической арене», говорит все более явное проявление тенденций развития капитализма, которые он вскрыл и научно объяснил, и обострение капиталистических противоречий, направления и формы разрешения которых им указаны.

Отсюда вытекает *второй тезис* данной статьи: критика марксизма несомненно нужна, но критика *научная*, которая развивает знания о реальной действительности, позволяет глубже понять объективные закономерности и тенденции ее развития, пути перехода от капитализма к более высокой форме организации общества, в том числе – в России. Эта критика необходима для развития самого марксизма и всей экономической наук в целом.

Наконец, последний *третий тезис* данной статьи: марксизм нуждается не только в научной критике, но и в научной защите, т.е. такой защите, которая не искажала бы, а развивала положения самого марксизма. И здесь хотелось бы отметить, что в упомянутой статье Ю. Князева защита трудовой теории стоимости, к сожалению, не всегда отвечает этому требованию.

В популярном изложении этой теории Ю. Князев, думается, допустил излишнее упрощение ряда ее положений. Я имею в виду следующие его высказывания⁴²: 1) «Общее количество конкретного труда в экономике сохраняется неизменным и равным общему количеству труда абстрактного». 2) «...в современных условиях практически не осталось таких товаров, которые бы не были результатом труда». 3) «... графики потребительского поведения полностью соответствуют графическому изображению пове-

⁴¹ Дедов Л. Ук. соч. – С. 145.

⁴² Князев. Ук. соч. – С. 139, 143, 144, 145.

дения стоимости и цены в зависимости от предложения и платежеспособного спроса на товары, так как в их основе лежат одни и те же закономерности рынка». 4) «... все затраты в денежном выражении как живого, так и овеществленного труда на производство каждого товара должны, как правило, в обязательном порядке покрываться его ценой на рынке». 5) «... в рыночной экономике действует закон сохранения труда подобно закону сохранения энергии (или материи) в природе и что абстрактный (но отнюдь не виртуальный) труд лишь «перетекает» из одних товаров в другие в зависимости от изменения соотношения между их предложением и платежеспособным спросом на них».

Думается, есть необходимость в дальнейшем развитии полемики между марксистами и неоклассиками, поскольку истина рождается, как известно, в спорах ...